

НЕИЗДАННАЯ БАСНЯ ХУДОЖНИКА П. А. ФЕДОТОВА «ТАРПЕЙСКАЯ СКАЛА»

Сообщение Г. К. Леонтьевой

Литературное наследие крупнейшего мастера русской реалистической живописи первой половины XIX в. Павла Андреевича Федотова мало изучено. Его стихотворения и басни опубликованы далеко не полностью. Характеристике поэтических произведений художника посвящена лишь статья В. Апушкина «Федотов-поэт» в «Русском инвалиде», 1902, № 248, и несколько страниц в монографии Я. Д. Лещинского «П. А. Федотов. Художник и поэт» (М.—Л., 1946, стр. 135—143).

Между тем поэтическое творчество художника представляет значительный интерес. Федотов несомненно был одаренным поэтом, близким к «натуральной школе» русской литературы 1840-х гг. Ни одно из стихотворений Федотова не вышло в свет при жизни художника — они и писались им не для печати. Тем больший интерес они представляют для исследователя, ибо здесь автор без оглядки на цензуру, с полной откровенностью высказывает свое отношение к крепостному праву, религии, обличает взяточничество. В поэме «Поправка обстоятельств», в баснях «Конь», «Усердная Хавронья», «Свет и тень» и др. мы найдем немало строк, характеризующих общественно-политические взгляды художника.

В неопубликованном «Послании в стихах» (автограф.— Гос. Русский музей», ф. 9, ед. кр. 15) Федотов высказывает свое творческое кредо:

...Но сатирический мой взгляд
Всем без разбора средствам рад,
Чтобы тому, что не по сердцу,
Задать как можно больше перцу...

Федотову, выразителю остро-критической тенденции в русской живописи, было многое «не по сердцу» в николаевской России, в том числе царская цензура. На собственном опыте художник неоднократно убеждался в ее беспределном произволе. Ему не разрешили литографировать картину «Свежий кавалер», на его глазах в 1848 г. был запрещен «Иллюстрированный альманах» Некрасова, не было осуществлено и задуманное Федотовым совместно с Бернарским издание сатирического еженедельника «Вечером вместо преферанса».

В 1849 г. Федотов пишет басню «Усердная Хавронья» (опубликована в указанной монографии Я. Д. Лещинского, стр. 120). В этой басне цензура изображена под видом горничной. Борясь с колючками, она

...и неколючее вокруг все перемяла.
Через неделю... все завяло!
Колотья нечем!.. Бабе честь...

Зато понюхать иль поесть
 В саду бывало прежде густо,
 А нынче пусто!

Обличению злоупотреблений николаевской цензуры посвящена впервые публикуемая нами притча Федотова «Тарпейская скала».

Более ста лет тому назад В. Толбин, автор статьи о Федотове в журнале «Пантеон», заявил, что басню эту следует считать утраченной («Пантеон», 1854, № 1, стр. 43). С тех пор в литературе о Федотове она не упоминалась. В настоящее время автограф «Тарпейской скалы» обнаружен в архиве журнала «Русская старина», хранящемся в Пушкинском доме (ф. 265, оп. 2, ед. хр. 2926). На первом листе наверху надпись неизвестной рукой: «Автограф Федотова». Водяных знаков на бумаге нет. Рукопись беловая, но имеется шесть поправок, сделанных рукою Федотова. Приводим текст басни:

ТАРПЕЙСКАЯ СКАЛА

ПРИТЧА

В глубокой древности один законодатель
 И, как велось, богам приятель,
 С одним из них в радушный час,
 Сидевши глаз на глаз,
 Был удостоен откровенья
 И наставленья
 Как сделать счастливым народ.
 Конечно, первое условие
 Для счастья — здоровье.
 Вот он для улучшения своих людских пород
 Постановил в закон: чуть где родись урод
 Иль хворенький иной, иль просто недоношен,
 Дитя быть должен в море брошен;
 А если быть кому по правилам в живых,
 Чтобы ни пятнышка на них,
 Ни бородавочки нигде не оставалось,
 Сейчас чтобы срезалось
 Иль выжигалось.
 Устроен на скале Тарпейской комитет.
 Набрали членов добрых, честных,
 Умом, ученостью известных
 Хирургов цвет.
 И в этом комитете
 Осматривались все и подчищались дети.
 Проходит двадцать, тридцать лет,
 Вот новое уже явилось поколение,
 Но вовсе не видать в породе улучшения.
 Уродов не перевелось.
 Знать члены матерей щадили.
 В делах политики в расчет не брать же слез,
 И добрых членов заменили
 Другими покрутей;
 Но улучшение людей
 Вперед у них, глядят, все мало поддается,
 Не действует на членов ни арест,
 Ни крест;
 Смени иного — он смеется
 И очень, очень рад,

В другое место заберется,
 Везде где ни служи везде жирней оклад,
 Чем в членах комитета.
 Сметнувши это

Сейчас

Оклады увеличили для членов во сто раз,
 И место сделалось первейшим в государстве.
 Но улучшилась ли людей порода в царстве?
 Член тоже местом дорожит,
 Поэтому от всякой малости дрожит,
 И, несмотря на матурино горе,
 Ребенка всякого почти кидает в море.
 Оно спокойней и верней,
 Дитя отпето
 И нет вперед ответа.
 А если жить и даст по доброте своей,
 То с пятнышками у детей,
 Обрезав и кругом с запасом,
 Без носа часом,
 Их пустит в свет, иль без ушей,
 И изо всякого обделаает уroda.
 А вместе с тем,
 Все прекращалось и наконец совсем
 С земли исчезла вся порода.
 Остались члены для развода.
 И слышал я вчера
 Потомки их весьма способны в цензора.

В этой притче Федотов иносказательно повествует о произволе николаевской цензуры, ставшем практически неограниченным после французской революции 1848 г., когда по указанию царя был организован так называемый негласный цензурный комитет (его неофициальное наименование было сначала «Меншиковский» потом «Бутурлинский»). В «Тарпейской скале» глубже, чем в цитированной басне «Усердная Хавронья», вскрывается реакционная сущность политики самодержавия в области литературы и искусства. Если там главный удар поэта направлен против цензуры, которая в усердии и по недомыслию опустошает весь сад — приказано же ей было убрать лишь все колючее, — то в «Тарпейской скале» отражена решающая роль правительства в цензурной политике. Слишком либеральны члены комитета — их заменяют другими, «покрутей»; не действует на цензоров «ни арест, ни крест» — их покупают «жирным окладом». Последняя мера заставляет членов комитета дорожить местом, ставит в прямую зависимость их благоденствие от беспощадного уродования художественных произведений.

Вероятнее всего, что «Тарпейская скала» была написана в 1849 г., во всяком случае после 1848 г. В этом году цензура не разрешила издание «Вечером вместо преферанса», запретила «Иллюстрированный альманах», для которого Федотов сделал иллюстрации к «Ползункову» Достоевского. Вышел альманах в свет только в 1849 г., но в сильно измененном виде. Повести Станицкого (А. Я. Панаевой), рассказы Майкова, Дружинина, Достоевского не вошли в него, исчезли карикатуры Степанова, а другие рисунки прошли лишь под видом иллюстраций к анонимному «Трактату о физиономике», к которому они не имели никакого отношения. Возможно, именно, судьба «Иллюстрированного альманаха» и явилась поводом создания этой притчи Федотова о цензуре.